MIDDLE EAST NODE OF THE GREATER MEDITERRANEAN IN THE CONTEXT OF ELITOLOGICAL ANALYSIS

Gennady V. Kosov (a), Dmitry B. Tatarkov (b)

(a) Sevastopol State University, Sevastopol. Russia. Email: kossov1[at]yandex.ru
ORCID 0000-0002-1422-895X

(b) Sevastopol State University, Sevastopol. Russia. Email: ditar25[at]mail.ru
ORCID 0000-0002-4684-356X

Abstract

The geopolitical and ethno-religious problems of the Middle East have always posed a threat to world order and security not only directly to the countries of this region, but also to the African and Mediterranean regions. Of particular interest is the role of ethno-political and religious-political elites, who formed the agenda here and carried out concrete political projects in practice.

The given article analyzes the current state of the political elites of the states of the Near and Middle East with different levels of sovereignty. It is the quality of the completeness of the sovereignty of a particular state that is a kind of barometers in the choice of certain strategies for the behavior of political elites. Corruption, the cult of strength, preference for an authoritarian style of government are indicated as the main features inherent in most of the ruling elite groups in this region, traditionalism and conservatism are the dominant political culture. Selfishness, prevailing in political psychology, prevents elites from constructively agreeing on pressing problems, which creates favorable conditions for various kinds of conflicts. On the face of it, we see the growing chaos associated with non-observance of agreements previously reached by politicians. The situation is getting worse due to constant interference in the regional affairs of third countries that have their own national interests here. The final decision remains not with the local elite communities, but with the large players, who view the Near and Middle East as the arena of their global confrontation.

Keywords

Greater Mediterranean; Middle East; disfunctional civilization; elites; Middle East knot; conflict of interests; extremism and terrorism; challenges and threats; chaos; foreign policy; world politics; international relations; actors outside sovereignty

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ УЗЕЛ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В КОНТЕКСТЕ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Косов Геннадий Владимирович (а), Татарков Дмитрий Борисович (б)

(а) Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.
Email: kossov1[at]yandex.ru. ORCID 0000-0002-1422-895X

(б) Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.
Email: ditar25[at]mail.ru. ORCID 0000-0002-4684-356X

Аннотация

Геополитические и этнорелигиозные проблемы Ближнего Востока всегда несли в себе угрозу миропорядка и безопасности не только непосредственно странам этого региона, но и Африканского и Средиземноморского региона тоже. Особый интерес представляет роль этнополитических и религиозно-политических элит, которые формировали здесь повестку дня и осуществляли на практике конкретные политические проекты. Именно элиты несут на себе главную нагрузку в управлении политическими процессами и от качества принимаемых ими решений зависят судьбы целых народов.

В настоящей работе дается анализ современного состояния политических элит государств Ближнего и Среднего Востока с разным уровнем суверенности. Именно качество полноты суверенитета конкретного государства является своего рода барометров в выборе тех или иных стратегий поведения политических элит. В качестве основных черт, присущих большинству правящих элитных групп этого региона, указывается коррупция, культ силы, предпочтение авторитарного стиля управления, а в качестве доминирующей политической культуры выступает традиционализм и консерватизм. Преобладающей в политической психологии эгоизм мешает элитам конструктивно договариваться по насущным проблемам, что создает благоприятные условия для различного рода конфликтов. Налицо усиливающийся хаос, связанный с несоблюдением ранее достигнутых политиками договоренностей. Ситуация ухудшается из-за постоянного вмешательства в региональные дела третьих стран, имеющих здесь свои национальные интересы (США, КНР, ЕС). Однако окончательное решение остается не за местными элитными сообществами, а за крупными игроками (государственными и негосударственными), которые рассматривают Ближний и Средний Восток как арену своего глобального противоборства.

Ключевые слова

Большое Средиземноморье; Ближний Восток; дисфункциональная цивилизация; элиты; ближневосточный узел; конфликт интересов; экстремизм и терроризм; вызовы и угрозы; хаос; внешняя политика; мировая политика; международные отношения; акторы вне суверенитета

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Территория, определяемая как Ближний Восток, географически и геополитически является также составной частью Восточного Средиземноморья, всегда игравшего одну из ключевых ролей во всемирной истории человечества, в том числе и в истории многих европейских народов. Российские исследователи определяют этот регион как территорию «вечного конфликта» (Багдасаров, 2016), как «котел с неприятностями» (Сатановский, 2012; 2018), как место, где сходятся не только мировые религии и культуры, но и где расходятся западное и восточное миропонимание (Савин, 2016; Энгдаль, 2016). При этом феномен роста конфликтности и насилия в этом регионе чаще всего рассматривается через призму теории *глубоко разделенных обществ* (deeply divided societies, ГРО) (Наумкин, 2015). Некоторые сообщества оказываются не просто расколотыми, но и разорванными противостественными государственными границами, грубо нарушающими все существующие здесь традиции.

Аналитики отмечают, что первые десятилетия XXI в. были отмечены беспрецедентно высоким уровнем конфликтности и насилия в ряде стран Ближнего и Среднего Востока. Известный арабский журналист Хишам Мельхем в этой связи отмечал: «В арабском мире сегодня больше насилия, он более нестабилен, фрагментирован и движим экстремизмом – экстремизмом правителей и тех, кто находится в оппозиции, – более чем, когда бы то ни было с момента распада Османской империи столетие назад» (Melhem, 2014). Чаще всего речь идет о расколе политических элит и острой фазе конкурентной борьбы различных этнократических групп. Неспособность договорной политики предопределяет и общий итог развития конфликта в этом регионе – затяжной (хронический) хаос всех политических и этнокультурных систем. Причем завязавшийся столетиями тому назад ближневосточный узел грозит дестабилизировать и соседние регионы (регионы Большого Кавказа, Каспийский регион и зону Большого Средиземноморья).

МЕТОДОЛОГИЯ

Актуальность данной проблемы определяет в качестве ее *объекта* политические региональные элиты, а в качестве *предмета* – анализ их географического и геополитического контекста. *Задача* настоящего исследования проанализировать современное состояние региональных политических элит и дать общую оценку геополитического контекста их региона в целом. В качестве рабочей *гипотезы* нами выдвигается

тезис о том, что на характер профессиональной деятельности политических элит и их лидеров существенное влияние оказывает набор традиций (психологических кодов, культур и религий), географическая среда обитания и полнота государственного суверенитета представляемых ими стран.

В адекватном понимании происходящих в этом регионе проблем большое место отводится историко-культурным связям, без учета и анализа которых любая научная конструкция будет неточна и фрагментарна. В этой связи автором уделяется особое внимание историческим принципам исследования. Этнокультурное и религиозное многообразие заставляет нас использовать методы компаративистики и диалектики; анализ количественных изменений - прибегать к статистическому методу, а необходимость изучения влияния политических институтов на социокультурные процессы - к институциональному методу исследования.

В работе используются труды ведущих российских востоковедов (Е.М. Примакова, Е.Я. Сатановского, В.В. Наумкина, С.А. Багдасарова и др.), а также и материалы зарубежных исследователей (Engdahl F.W., Gause F.G., Gürbüz M., Melhem H. и др.), занимающихся вопросами безопасности, террористических угроз и поведения элит в международных отношениях. Не забытыми оказались и догматы монополярного миропорядка, утверждающие доминацию США на международной арене (З. Бжезинский, Ф. Фукуяма) и концепцию конфликта цивилизаций (С. Хантингтон) в противовес концепту «диалога культур» (В.С. Библер).

Элитологический анализ настоящей работы заключается в том, чтобы дать оценку действиям политических элит этого региона в стремлении их решить возникшие перед их странами проблемы, связанным в первую очередь с безопасностью и выживанием, а также с решением проблемы обеспечения суверенитета своих государств.

БОЛЬШОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ КАК ТЕРРИТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Все помнят первые строчки «Баллады о Западе и Востоке» Р. Кипплинга:

«Запад есть Запад, Восток есть Восток
и им не сойтись никогда,
пока не предстанут на Божий суд
народы и города...»

Но при этом гораздо меньше обращают внимания на последние строчки этой баллады:

«Но Запада нет, и Востока нет,
если двое мужчин,
рожденные в разных концах земли,
станут друг к другу лицом».

В одном произведении мы видим и жесткое противостояние двух миров - мира Запада и мира Востока, и озарение, связанное с пониманием их некой общей фундаментальной сути. И в первом, и втором случае у Р. Киплинга есть формула сближения этих миров. В первом случае понимание единого начала происходит посредством единения перед гибельными для всех вызовами, а во втором – через сознательный поиск и акцентирование на том, что в этих мирах общего, при минимизации тех моментов, которые нас различают.

Но всегда ли существовали Запад и Восток не как географические понятия, а как социокультурное явление? На этот вопрос можно ответить однозначно – нет. Скорее всего, правильно было бы говорить о том, что вся Ойкумена – весь мир, познанный и освоенный, был большим Востоком. Но где и когда, происходит раскол восточного социокультурного, психо-ментального восточного массива, на какой территории вследствие социальных мутаций возникает протозападная цивилизация, как дисфункция большого восточного социокультурного и психо-ментального массива? Этой территорией является регион Большого Средиземноморья.

Большое Средиземноморье – это не метафора, не повторение броделевской концепции (Бродель, 2002), а концепт (теория, проект), основанный на идеях цивилизационного развития, сопряжения социокультурных и ментальных массивов, принципах геополитической трансформации релятивистских и физикалистских пространств, конфликта – консенсуса существовавших ранее и существующих в настоящее время политических и геополитических / геоэкономических (экономических) проектов.

Логика цивилизационной динамики в Большом Средиземноморье выстраивается от условной традиционной протоцивилизации, под условным названием «Протовосток», в рамках которой жили люди с традиционными психо-ментальными чертами, через феномен Античности к появлению Западной цивилизации и новому психо-ментальному типу, и к сосуществованию Западной, Православной и

Мусульманской цивилизаций, к их взаимопроникновению на линиях соприкосновения в Большом Средиземноморье.

Специфика Большого Средиземноморья проявляется (выявляется) лишь при глобальном (комплексном) рассмотрении истории этого региона, а не через сравнительную историю отдельных стран, входящих в регион. Это история Большого Средиземноморья как особого социокультурного и геополитического феномена.

Мы считаем, что, во-первых, в процессе выпадения человека из континуальных структур природно-космических биоритмов у него в сознании формируется мощный импульс отчуждения: «я - другой», «они - мы». Будучи детерминированным Природой, Человек специфически организует себя и окружающий его мир и считает эту форму отношения единственно возможным отношением бытия. Сталкиваясь с другой мерой упорядочения, Человек воспринимает это новое как «чужое», как попытку уничтожить «свое», что приводит к желанию ради сохранения «своего Мира» прибегнуть к насилию по отношению к «их Миру». Таким образом, антиномия «я» - «другое», как отмечалось, является своеобразным суперархетипом мировой истории. Во-вторых, разрушение-созидание через насилие связано с архетипом мифологического пересотворения мира как обновления «дряхлающего» миропорядка. Так средневековый карнавал разрушал старый порядок. Во время карнавального действия происходило падение иерархии, законов, в том числе божественных, погружение в Хаос, который содержал в себе потенциально все возможные формообразы и структуры порядка. И только после разрушения, после наступления царства богини Тиамат, происходило рождение, созидание и укрепление нового, более лучшего его порядка.

Очень образно и метафорично раскол восточного социокультурного и психоментального массива описан в «Энеиде» Вергилия. В. Топоров, анализируя «Энеиду», говорит о двух принципиально отличных психоментальных типах Энея – Эней-троянский и Эней-италийский (Топоров, 1993). Эней-троянский – это человек Прото-восточной цивилизации, который циклически воспринимал время, адаптировал себя под природу, ориентировался на опыт и традиции предков. Но троянская трагедия, сверхцель, сверхзадача, поставленная высшими силами перед ним, ориентируют его больше в будущее, чем в прошлое (формируется линейное восприятие времени), заставляют его искать, исследовать, становиться деятельным не столько по отношению к себе (самосовершенствование внутреннего мира), а по отношению к окружающему миру, и со временем он адаптирует его под

себя, создавая новые традиции и паттерны. Все это характеризует Энея-италийского, который по своему психоментальному типу является протоевропейцем, носителем ментальных черт Западной цивилизации.

Другим фундаментальным основанием западной цивилизации является частная собственность. Так, примерно до VII в. до н.э. можно было говорить о единой человеческой Ойкумене для которой были характерны следующие черты: господство общинных связей, наличие правителей-вождей (басилевсы и др.) и неразвитость частнособственнических отношений. Но во второй трети I тысячелетия до н.э. с появлением античной Греции возникает дихотомия Восток-Запад. Именно с этого момента вырисовывается человек протоевропейского типа, отличный по своим ментальным чертам от человека восточного типа. Для него было характерно стремление в будущее, желание адаптировать Природу под себя и расширить Ойкумену.

Причинами данной социальной мутации явились развитые торговые связи и средиземноморское мореплавание, появление частной собственности, синтез «гомеровской основы» и финикийского эталона вкупе с природно-климатической спецификой Балканского региона.

Именно специфика Балканского региона приводит к формированию особого духовного облика «балканского человека» (по терминологии В.Н. Топорова).

Во-первых, море, его опасности, неожиданности, тайны, не дающее гарантий выживания, приглашающее к испытанию и риску, к личному выбору и инициативе формирует деятельного, решительного человека, уверенного в себе и полагающегося только на себя. Море научило ценить реальные способности и возможности человека.

Во-вторых, изрезанность береговой линии, множество островов, которые находятся в поле зрения и были ориентирами в освоении пространства, стимулируют жажду познания.

В-третьих, природные и географические условия Балкан заставляют человека напрягать силы при добыче пищи. Но человек все же не был обречен на полуголодное существование, он знал, что может добиться успеха, напрягая максимум усилий.

Итак, для Номо balcanus были характерны следующие черты: деятельность, стремление к познанию нового и освоение пространства. Главным итогом архаической революции на территории древней Греции, протекавшей в определенном природно-географическом контексте, был «выход на передний план почти неизвестных или, по крайней мере, слабо развитых в то время во всем остальном мире частнособ-

ственных отношений, особенно в сочетании с господством частного товарного производства, ориентированного преимущественно на рынок, с эксплуатацией частных рабов при отсутствии сильной централизованной власти и при самоуправлении общины, города-государства».

Начиная с Античности, в мире возникли две принципиально разные социальные структуры – европейская и неевропейская. Для второй, появившейся значительно раньше первой и представленной многими вариантами в разных районах земного шара, характерны такие моменты, как: отсутствие господства частной собственности и античного «гражданского общества».

На наш взгляд, в основе существующей западной цивилизации лежат следующие идеи и принципы:

- страх смерти, толкающий человека к активной деятельности по изменению окружающей действительности во имя достижения бессмертия;
- индивидуализм, личностное начало, порождающие соревнование и приводящие к потребности в насилии ради своего возвышения;
- либерализм как свобода и равенство через деньги и перед деньгами, который материализует жизнь, лишает ее глубокого духовного поиска.

Подчеркнем еще раз, что именно Большое Средиземноморье становится зоной соприкосновения, столкновения двух миров – Запада и Востока, причем это характерно как для глубокой истории, так и для современности. Именно Большое Средиземноморье является ареной столкновения как минимум трех сценариев глобализации: западного либерального/неолиберального, исламского и китайского сценариев.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК КАК «КОТЕЛ ПРОТИВОРЕЧИЙ»

Влияние дестабилизирующего фактора Ближнего и Среднего Востока на Большое Средиземноморье возрастает по мере вовлеченности этого региона в мировые глобальные процессы. Как показывает политическая история, эти два региона были тесно связаны друг с другом и весьма чутко реагировали на все происходившие здесь изменения (Peregrine & Purcell, 2000; Abulafia, 2011; Burke, 2012). Не является исключением и настоящее время. И в наши дни мы видим взаимосвязь событий, происходящих на Востоке и в странах ближнего Средиземноморья. Мы наблюдаем столкновение двух точек зрения – коллективной Западной (преимущественно англосаксонской) и неколлектив-

ной восточной (фрагментированной по разным национально-религиозным основаниям).

На коллективном Западе в настоящее время преобладает англосаксонский взгляд на геополитику. Но если британская позиция рассматривает Ближний Восток в «узком» смысле¹, то американская – в «широком»². Российский подход заключается в том, чтобы исключить из списка стран этого региона страны т.н. «постсоветского» пространства, которые традиционно входят в зону национальных интересов России.

Отечественные исследователи всегда отмечали важность этого региона, указывая вместе с тем и на его многосложность. Так, Е.Я. Сатановский в одной из своих работ отмечал: «Ближний и Средний Восток – это нефть и газ, всемирно известные курорты и крупнейшие на планете рынки вооружений и военной техники. Это колыбель современной цивилизации и родина иудаизма, христианства и ислама. Но это и источник терроризма и наркоторговли, опасный для Евросоюза, Соединённых Штатов, Китая, Индии и России – настоящий «котёл с неприятностями». Знать о нём всё невозможно, но понимать, что именно происходит на пространстве от североафриканского побережья Атлантики до границ Индии и от Сомали до российской границы, – полезно для выживания» (Сатановский, 2018).

Ближний Восток - это территория сложных и крайне запутанных этнокультурных и религиозных отношений, складывавшихся здесь на протяжении нескольких тысячелетий. «Ближний Восток, как известно, – родина трех величайших мировых религий: христианства, иудаизма и ислама. В каждой из них существует большое количество ответвлений, и жители ближневосточных стран представляют, пожалуй, все эти течения. Мусульмане – сунниты четырех мазхабов, в том числе ханбалидского, на базе которого был создан салафизм, и шииты; христиане, представляющие и католиков, и православных халкидонской и

¹ Сатановский Е.Я.: «Ближний Восток большинства современных англоязычных атласов и учебников – порождение британской колониальной системы. Он с запада и юго-запада ограничен Египтом, а с востока – Ираном. Бывших французских и итальянских колоний, территорий, вошедших в состав Российской империи, а также стран, возникших на месте африканских колоний Великобритании и Британской Индии, на этих картах нет» (2016).

² Сатановский Е.Я.: «Ближний Восток послевоенной американской школы куда шире. В его состав входит Большой Магриб, Судан и побережье Африканского Рога – до границ Кении, Афганистана и, по крайней мере на некоторых картах, Пакистан, который окончательно «прописался» на Большом Ближнем Востоке в составе американского АфПака в 2000-х гг. Что называется, где воюем, то и рисуем. ...с точки зрения США Большой Ближний Восток включает республики Центральной Азии и Закавказья, являющиеся северной периферией Турции, Ирана и Афганистана, и в этом качестве входящие в зону стратегических интересов Соединённых Штатов. У военных баз, путей тылового обеспечения и зон дислокации вооруженных сил своя география» (2016).

дохалкидонской формулы веры, и практически все остальные направления, какие только существуют в мире; такие уникальные течения, которые принято относить к исламу, но которые на самом деле существуют на стыке нескольких религий – алавиты, исмаилиты, друзы, али-илахи и много чего другого, – езиды, мандеи, они же саабеи... Словом, разнообразие фантастическое» (Багдасаров, 2016).

Эксперты отмечают, что важнейшей тенденцией в развитии Ближнего Востока является нарастание нестабильности, вызванной тем, что многие арабские государства столкнулись с очень серьезными социально-экономическими вызовами (взрывной рост населения, растущая безработица [особенно среди молодежи], резкое падение жизненного уровня и доходов миллионов людей, возрастающее экономическое неравенство) (Сейранян & Филоник, 2014). «Падение поступлений от нефтедобычи, других видов ренты существенно сократило возможности правящих кругов стран этого региона маневрировать, проводя бонопартистскую политику. Такая ситуация в первую очередь сказалась на жизни меньшинств. Положение многих этноконфессиональных групп резко ухудшилось. Нехватка ресурсов обернулась политикой фактически геноцида против меньшинств на огромных территориях в Магрибе, странах Африканского Рога, и далее на Восток вплоть до Пакистана и Индонезии» (Краснов, 2016, стр. 84).

Хорошо известно, что коллективный Запад привлекает на Ближний и Средний Восток его углеводородные богатства. И также хорошо известно как местные этнократические группы пользуются этой зависимостью Запада в своих интересах (Engdahl, 2015). Нефть в обмен на лояльность делает некоторые режимы Персидского залива просто неприкасаемыми, несмотря на все (мягко говоря) минусы проводимой ими политики. Ища покровительство в лице ведущих мировых государств, лидеры этих стран начинают столь же высокомерно вести себя в отношении своих «младших» партнеров. А эта политика не есть политика мира. Она была и есть политика «права сильного», т.е. политика войны.

Мир в этом регионе всегда был исключением из правила. Действительно, история Ближнего Востока - это история войн; история постоянного борьбы ведущих государств (империй) за право контролировать и распоряжаться этим регионом. По С. Хантингтону, никакого мира на Ближнем и Среднем Востоке никогда быть не должно, потому что это зона сплошного христианско-мусульманского конфликта (Хантингтон, 2005).

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Среди часто встречающихся общих характеристик политических элит и их лидеров этого региона, на первое место ставится коррупция (предпочтение теневой сфере деятельности), традиционализм (который выражается в том числе и в формальной принадлежности к демократии и авторитаризму на деле), вассалитет (поиск сильного покровителя), «культ силы» (прав тот, кто сильнее) и, конечно же, склонность созданию и поддержке «независимых борцов» (террористов, провокаторов разных мастей).

Поведение политических элит во многом зависит от того, насколько представляемые ими государства обладают полнотой суверенитета. Было замечено, что государства с ограниченным суверенитетом создают большие условия для криминальных практик (коррупции и терроризма). Особенно когда эти общества еще расколоты и находятся в состоянии объявленной или латентной гражданской войны.

Еще Е.М. Примаков отмечал, что вести переговоры с политическими лидерами Ближнего Востока дело особенное и требующее специальной (востоковедческой) подготовки. Но самой главной опасностью является то, что все политики на публике демонстрируют чувство собственного достоинства и тут же готовы за кулисами большой политики договариваться со смертельными врагами и идти на любые соглашения (Примаков, 2016, Т. 6, стр. 90-91). Но самая главная черта – это сокрытие от конкретного противника и потенциального союзника полноты информации, потому что никто никому не доверяет (все всех подозревают в коварстве и вероломстве).

Как показывает новейшая политическая история, выдвинутая еще при президенте США (2001-2009 гг.) Д. Буше-младшем политика «насильственной демократизации» политических режимов этого региона, так и не стала на деле спасением от радикализации и террористических угроз. Более того, в 2010-е гг. мы стали свидетелями неуклонной исламизации «общественной жизни на всем Ближнем и Среднем Востоке. Александрия из светского левантийского города, где еще 20 лет назад на улицах не было женщин в хиджабах, превратилась в город, где женщина в хиджабе — норма. И процесс этот вышел далеко за пределы региона: улицы английского Лутона патрулируют бритоголовые с бульдогами, потому что нет другого способа остановить людей, которые плюют в лицо родителям убитых в Афга-

нистане британских солдат во время похорон».³ Вместо обещанной Западом демократизации мы видим радикализацию и усиления традиционализма. Последнее стало ответом на первое. И ответом неожиданным для того же коллективного Запада.

В своей деятельности некоторые региональные политические элиты пытаются опираться на своих сторонников в других странах и лоббировать свои интересы на том же самом Западе. Как свидетельствуют данные, ЦРУ при Б.Х. Обаме покровительствовало «Братьям-мусульманам» даже в США. «Обама в Белом доме и Хиллари Клинтон в государственном департаменте продвигали членов организации и их сторонников на высшие посты в политической системе США. Ключевые члены этого движения занимали высокие политические должности в госдепартаменте, Белом доме и Министерстве внутренней безопасности. Последнее даже предоставляло лидерам “Братьев-мусульман” доступ в предназначенные для дипломатов VIP-зоны аэропортов» (Эгдаль 2016, стр. 319).

Многие из политических лидеров этого региона были уличены в сотрудничестве со спецслужбами ведущих западных держав. Так, по мнению американского исследователя проблемы терроризма У. Энгдала (*Frederick William Engdahl*), «в корне неразумной была стратегия ЦРУ, предполагавшая использование “Братьев-мусульман” и других исламистов в борьбе против христиан, а фанатичных джихадистов – против других мусульман: суннитов против шиитов, алавитов или суфиев; суннитов-турок против алавитов-сирийцев; суннитов движения “Братья – мусульмане” против суннитов-ваххабитов или других “неверных”. Эта глупость привела к катастрофе невероятного масштаба» (Эгдаль 2016, стр. 318).

Угроза распада политических режимов Ближнего Востока существует практически во всех странах. Так, например, в Саудовской Аравии проблемой номер один является местная геронтократия (средний возраст правящих здесь политических персон — под или за 80 лет). У Саудовской Аравии «есть два детонатора: шиитская Восточная провинция, на территории которой самые большие запасы нефти в

³ Российскими экспертами отмечается, что «демократия в исламском мире всегда приводит к торжеству ислама. [Выделено - автором] Это может быть менее радикальный политический ислам, как в Турции, — хотя кто сказал, что, придя к власти, умеренный ислам не станет радикализироваться? Это может быть изначально радикальный ислам, как в Иране. Кстати, - отмечал Е.Я. Сатановский, - в Иране шаха ведь тоже свергали все на свете, и в 1979 году на умеренно консервативном базаре, с которым шах поссорился из-за навязываемой вестернизации, все весело смеялись бы, если б им сказали, что какой-то там аятолла возьмет власть в Персии, и описали, что за этим последует. И когда создавали Пакистан, Мухаммед Али Джинна был абсолютно светским человеком: он пил виски и жена у него была парсианка. А что такое Пакистан сегодня?» (2011)

стране и где запрещено строить шиитские мечети, и Йемен. Последний, кстати, тоже неизбежно распадется на два государства, ибо элита Южного Йемена не получила от объединения 1990 года ничего» (Сатановский, 2011). Именно нерешенность этнических и территориальных проблем и провоцирует в этом регионе напряженность международных отношений. Примером тому может служить палестинская проблема и курдский вопрос.

Курдский вопрос является одним из самых злободневных для стабильности и безопасности всего этого региона. И Турция, и Иран, и Сирия (не говоря уже об Ираке) зависят от решения этой проблемы. Но самая главная проблема самих курдов – невозможность консолидации своего этнического и политического потенциала, трудности в преодолении существующих разногласий. И главным здесь являются как раз внутриэлитные противоречия (Gürbüz, 2013, p. 174).

Еще одним расколом, появившимся в последние годы, стало стремление политических элит арабского мира формировать антитурецкую коалицию, способную противостоять реваншистским устремлениям Анкары в деле восстановления Османской империи. Турция времен Р. Эрдогана откровенно поддерживает террористические организации, шантажируя всех экспортом нестабильности. Ситуацию усугубляет не только курдский вопрос, но и пришедший в состояние фрагментации Ирак, который после свержения «тирании» Саддама Хусейна (2003 г.) фактически перестал существовать как единое государство (Криворучко & Рощупкин, 2008).

Порванный в клочья западным вторжением Ирак, до сих пор является миной замедленного действия. Разрушение прежней иракской государственности вовсе не означало строительство новой более эффективной. Как отмечал в свое время американский эксперт по региону Грегори Гоз, «Соединенные Штаты продемонстрировали в Ираке, что они гораздо успешнее могут разрушать государство, чем строить» (Gause, 2014, p. 24). Он также справедливо тогда заметил, что: «порядок лучше хаоса, поэтому следует поддерживать государства, которые обеспечивают эффективное управление, даже если оно не достигает тех уровней демократии, которые мы бы предпочли» (Gause, 2014, p. 25). Но именно этого и не произошло. Вместо порядка мы получили очередную геополитическую «чёрную дыру», способную разрушать все вокруг себя.

Естественно, что в таких благоприятных условиях возникают и процветают различного рода террористические организации, с которыми приходится бороться не только государствам этого региона, но

и ведущим странам мира. Установлена взаимосвязь разрушение западной коалицией во главе с США государственности Ирака и возданием «Исламского государства». Еще Е.М. Примаков отмечал, что «настоящей угрозой в современных условиях считаю само существование и тенденцию к расширению группировки «Исламское государство» (ИГ)... Это сплав различных течений, каждое из которых до поры до времени не представляло собой масштабной опасности. Принято считать, что основой ИГ стали суннитские радикалы из иракского «треугольника». К ним присоединились офицеры-баасисты, создавшие после американской оккупации Ирака ряд подпольных организаций. Это усилило боеспособность «Исламского государства», хотя отношения с бывшими баасистами, мировоззрение которых не во всем совпадает с идеологией ИГ, не определено на будущее» (Примаков, 2016, Т.7, стр. 359) Подобные структуры нацелены на раскол общества, снос государственных институтов и границ, и установления новых квазигосударственных и псевдополитических систем и ценностей.

Как преодолеть существующий глубокий раскол?

Авторы работ по теории глубоко разделенных обществ (*deeply divided societies*) обычно предлагают два типа «лечения» межэтнической напряженности в таких расколотых обществах: (1) *интеграционистский* (2) *консоциалистский*.

(1) Сторонники первого выступают за «использование институтов или *создание* флюидной динамики плюрализма», ориентация на «федерализм» (Anderson, 2013, p. 371). Создаваемые институты дают этническим лидерам и группам населения «стимулы в пользу умеренности против экстремизма» (Наумкин, 2015). По мнению американского политолога Лайама Андерсона, «интеграционисты выступают за конструирование федеральных систем для максимизации подгрупповой разнородности, чтобы лишить любую отдельную группу статуса большинства в подгруппе. В свою очередь это дает политическим лидерам сильные стимулы для формирования коалиций с другими группами, чтобы создать большинство, необходимое для того, чтобы управлять» (Anderson, 2013, p. 372).

(2) Сторонники консоциализма скептически относятся к первому подходу, утверждая, что своего рода «полития добровольного апартеида» является «лучшим выходом для разделенного общества» (Lijphart, 1969, p.219). «Существенная характеристика консоциетальной демократии состоит не столько в специфическом институциональном устройстве, сколько в сознательных общих усилиях элит по стабилизации системы» (Anderson, 2013, p. 373). На Востоке Западный

опыт оказывается просто бесполезным: «для консоциеталистов этнические различия отражают реальные и устойчивые различия в идентичностях, которые нельзя лишить существования с помощью инженерии» (Anderson, 2013, p. 373).

Выходом из системного кризиса без устранения внутриэлитных противоречий и конфликтов практически невозможно. А устранить внутриэлитные противоречия всегда является крайне сложной (практически не выполнимой) проблемой. Все в конечном итоге упирается в договороспособность правящих элитных групп и их лидеров, наличие «доброй воли» в решении перезревших этнополитических проблем. Но решить эту задачу практически невозможно, при постоянном вмешательстве коллективного Запада, для которого контроль над этим регионом является престижем еще со времен Римской империи. Именно в этом регионе Запад охотно проявляет свои имперские амбиции и считает, что его лидерство будет продолжаться до тех пор, пока он имеет хоть какое-то влияние в Евразии и в регионе Ближнего и Среднего Востока в частности (Панарин, 1999).

ВЫВОДЫ

Проведенный в настоящей работе элитологический анализ показывает, что политические элиты стран Ближнего и среднего Востока продолжали воспроизводить привычные им «формулы» политического действия, игнорируя «рекомендации» коллективного Запада относительно демократизации своих политических институтов. Активизация исламского радикализма стала ответной реакцией на грубые попытки вмешательства Запада в дела этих стран. При этом снос авторитарных «старых элит» вовсе не означало появление «новых демократических» элит. Появились и активизировались напротив традиционалистские элитные сообщества, произошла архаизация (возвращение к канонам средневековья) политической культуры. К власти в отдельных регионах пришли радикальные и экстремистские силы. В 2010-е гг. возросло их влияние на соседние регионы (и в частности на страны Средиземноморья), связанные с ними экономическими и политическими связями, а также и миграционными потоками.

Мир погрузился в пучину кровавых конфликтов (особенно вокруг гражданской войны в Сирии, демонтажа государственности в Афганистане, Ираке и в Ливии), усилились гражданское напряжение в Ливане, Египте, Йемене. При этом политические элиты некоторых стран раздробились и пришли в броуновское движение, усиливая возникшую бифуркацию. Элитологический анализ политической действи-

тельности указывает на то, что в настоящее время в этом регионе нет определенной силы, способной стабилизировать и повести за собой политический процесс. Влияние региональных лидеров (Турции и Ирана) оспариваются другими мировыми игроками (в том числе США, Китаем и Россией). Не до конца проявлена и роль Израиля, который в условиях роста угроз со стороны ИГ предпринимал лишь оборонительные технологии. Внешне Тель-Авиву удастся полностью обеспечивать свой суверенитет своими силами и жить в соответствии с имеющимися ресурсами. Но в обеспечении суверенитета других стран этого региона вызывает большие вопросы, особенно в связи с деятельностью таких ведущих игроков как Турция и Иран.

Список литературы

- Abulafia, D. (2011). *The Great Sea: A Human History of the Mediterranean*. Oxford University Press.
- Anderson, L. (2013). Power-sharing in Kirkuk. In J. McEvoy, B. O'Leary (Eds.). *Power sharing in deeply divided places* (pp. 364–385). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Burke, E., III (2012). Toward a Comparative History of the Modern Mediterranean, 1750–1919. *Journal of World History*, 23(4), 907-939. doi:10.1353/jwh.2012.0133.
- Engdahl, W. (2015). *A century of war : Anglo-American oil politics and the new world order*. London: Pluto.
- Gause, F.G., III. (2014). Beyond sectarianism: the new Middle East Cold War. *Brookings Doha Center Analysis Paper*. Retrieved from: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2014/07/22-beyond-sectarianism-cold-war-gause/english-pdf.pdf>
- Gürbüz, M. (2013). Revitalization of Kurdish Islamic sphere and revival of Hizbullah in Turkey. In F. Bilgin, A. Sarihan (Eds.). *Understanding Turkey's Kurdish question*. Lanham: Lexington Books.
- Horden, P. & Purcell, N. (2000). *The Corrupting Sea: A Study of Mediterranean History*. Blackwell Publishing.
- Lijphart, A. (1969). Consociational democracy. *World Politics*, (21), 207-220.
- Melhem, H. (2014). The barbarians within our gates. *Politico magazine*. Retrieved from <http://www.politico.com/magazine/story/2014/09/the-barbarians-within-our-gates-111116.html#ixzz3LznnPwDt>
- Багдасаров, С.А. (2016). *Ближний Восток: вечный конфликт*. Москва: «Эксмо».
- Бродель, Ф. (2002). *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II Ч. I: Роль среды*. Москва: «Яз.рус. Культуры».

- Краснов, Ю.К. (2016). Феномен ДАИШ Генезис, социальная база и цели Исламского государства. *Публичное и частное право*, II (XXX), 82-90.
- Криворучко, А. П. & Рощупкин В. Т. (2008). *Багдадский вождь: взлёт и падение... Политический портрет Саддама Хусейна на региональном и глобальном фоне*. Москва: «Проспект».
- Наумкин, В.В. (2015). Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, (1), 66–96.
- Панарин, А.С. (1999). «Имперская республика» на пути к мировому господству. *Общественные науки и современность*, (4), 146-157.
- Примаков, Е.М. (2016). *Собрание сочинений в 10 томах*. Москва: Издательство ТПП РФ: «Российская газета».
- Савин, Л. (2016). *Новые способы ведения войны: как Америка строит империю*. Санкт-Петербург: «Питер».
- Сатановский, Е. (2011). «Еврейский Б-Г щедр на чудеса». Президент Института Ближнего Востока рассказывает о причинах и следствиях новых арабских революций. *Лехаим*, 4(228). Retrieved from <http://www.lechaim.ru/ARNIV/228/interview.htm>
- Сатановский, Е. Я. (2012). *Россия и Ближний Восток. Котёл с неприятностями*. Москва: «Эксмо».
- Сатановский, Е. Я. (2015). *Книга Израиля. Путевые заметки о стране святых, десантников и террористов*. Москва: «Эксмо».
- Сатановский, Е.Я. (2018). *Котёл с неприятностями. Ближний Восток для «чайников»*. Москва: «Эксмо».
- Сейранян, Б. Г. & Филоник, А. О. (ред.). (2014). *Арабский мир в потоке времен и событий*. Москва: ИВ РАН.
- Топоров, В.Н. (1993). *Эней-человек судьбы: В 2 ч. Ч. 1*. Москва: «Радикс».
- Хантингтон, С. (2005). *Столкновение цивилизаций*. Москва: АСТ.
- Энгдаль, У. (2015). *Столетие войны: Англо-американская нефтяная политика и Новый Мировой Порядок*. Москва: Селадо.
- Энгдаль, У.Ф. (2016). *Священные войны Западного мира*. Москва: «Селадо».

References

- Abulafia, D. (2011). *The Great Sea: A Human History of the Mediterranean*. Oxford University Press.
- Anderson, L. (2013). Power-sharing in Kirkuk. In J. McEvoy, B. O’Leary (Eds.). *Power sharing in deeply divided places* (pp. 364–385). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

- Bagdasarov, S.A. (2016). *Middle East: Perpetual Conflict*. Moscow: Eksmo. (In Russian)
- Braudel, F. (2002). *The Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Age of Philip II Part I: The Role of the Environment*. Moscow: "Yaz.rus. Cultures ". (In Russian)
- Burke, E., III (2012). Toward a Comparative History of the Modern Mediterranean, 1750–1919. *Journal of World History*, 23(4), 907-939. doi:10.1353/jwh.2012.0133.
- Engdahl, W. (2015). *A century of war : Anglo-American oil politics and the new world order*. London: Pluto.
- Engdahl, W. (2015). *A Century of War: Anglo-American Oil Policy and the New World Order*. Moscow: Selado. (In Russian)
- Engdahl, W.F. (2016). *Holy Wars of the Western World*. Moscow: "Celado". (In Russian)
- Gause, F.G., III. (2014). Beyond sectarianism: the new Middle East Cold War. *Brookings Doha Center Analysis Paper*. Retrieved from: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2014/07/22-beyond-sectarianism-cold-war-gause/english-pdf.pdf>
- Gürbüz, M. (2013). Revitalization of Kurdish Islamic sphere and revival of Hizbullah in Turkey. In F. Bilgin, A. Sarihan (Eds.). *Understanding Turkey's Kurdish question*. Lanham: Lexington Books.
- Horden, P. & Purcell, N. (2000). *The Corrupting Sea: A Study of Mediterranean History*. Blackwell Publishing.
- Huntington, S. (2005). *Clash of civilizations*. Moscow: AST. (In Russian)
- Krasnov, Yu.K. (2016). The phenomenon of DAISH Genesis, social base and goals of the Islamic State. *Public and Private Law*, II (XXX), 82-90. (In Russian)
- Krivoruchko, A. P. & Roshchupkin V. T. (2008). *The Baghdad Leader: Rise and Fall ... A political portrait of Saddam Hussein against a regional and global background*. Moscow: "Prospect". (In Russian)
- Lijphart, A. (1969). Consociational democracy. *World Politics*, (21), 207-220. (In Russian)
- Melhem, H. (2014). The barbarians within our gates. *Politico magazine*. Retrieved from <http://www.politico.com/magazine/story/2014/09/the-barbarians-within-our-gates-111116.html#ixzz3LznnPwDt>
- Naumkin, V.V. (2015). Deeply divided societies of the Near and Middle East: conflict, violence, external interference. *Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics*, (1), 66–96. (In Russian)
- Panarin, A.S. (1999). "Imperial Republic" on the way to world domination. *Social Sciences and Modernity*, (4), 146-157. (In Russian)

- Primakov, E.M. (2016). *Collected works in 10 volumes*. Moscow: Publishing House of the RF CCI: "Rossiyskaya Gazeta". (In Russian)
- Satanovsky, E. (2011). "The Jewish GD is generous with miracles." The President of the Middle East Institute talks about the causes and consequences of the new Arab revolutions. *Lechaim*, 4 (228). Retrieved from <http://www.lechaim.ru/ARHIV/228/interview.htm> (In Russian)
- Satanovsky, E. Ya. (2012). *Russia and the Middle East. A boiler with troubles*. Moscow: Eksmo. (In Russian)
- Satanovsky, E. Ya. (2015). *Book of Israel. Travel notes about the land of saints, paratroopers and terrorists*. Moscow: Eksmo. (In Russian)
- Satanovsky, E. Ya. (2018). *A boiler with troubles. The Middle East for Dummies*. Moscow: Eksmo. (In Russian)
- Savin, L. (2016). *New ways of waging war: how America is building an empire*. St. Petersburg: "Peter". (In Russian)
- Seyranyan, B.G. & Filonik, A.O. (ed.). (2014). *The Arab world in the flow of times and events*. Moscow: IV RAS. (In Russian)
- Toporov, V.N. (1993). *Aeneas the Man of Destiny: At 2 pm Part 1*. Moscow: "Radix". (In Russian)